

детей отечественному языку имеет три цели: **первых, развить в детях врожденную душевную способность, которую называют даром слова**... [7, с. 240].

Литература

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М., 1966.
2. Божович, Л. И. Значение осознания языковых обобщений в обучении правописанию / Л. И. Божович. – М., 1946. – Вып. 3.

3. Гвоздев, А. Н. Избранные работы по орфографии и фонетике / А. Н. Гвоздев. – М., 2007.
4. Голев, Н. Д. Антиномии русской орфографии / Н. Д. Голев. – М., 2004.
5. Пешковский, А. М. Сборник статей / А. М. Пешковский. – М., 1925.
6. Ушинский, К. Д. Избранные педагогические сочинения / К. Д. Ушинский. – М., 1945.
7. Ушинский, К. Д. О первоначальном преподавании русского языка. Собрание сочинений / К. Д. Ушинский. – М., 1974.

УДК 82.0

О. В. Поварова

*Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Н. В. Володина
Череповецкий государственный университет*

МОТИВ БЕГСТВА ИЗ СЕМЬИ В РОМАНЕ Н. С. ЛЕСКОВА «НЕКУДА»

Мотив бегства из семьи – ключевой в понимании сюжета романа Н. С. Лескова «Некуда», антинигилистического или полемического, как называют его исследователи. Главную роль в развитии центрального мотива играет героиня Лиза Бахарева. На примере ее судьбы Лесков показывает трагедию представителей молодого поколения 1860-х годов, сочувствующих нигилизму.

Мотив, антинигилистический роман, полемический роман.

The motif of escape from the family is the key to understanding the plot of the novel by Nikolai Leskov «Nowhere». There is no agreement on the classification of the novel in Russian literary studies. The researchers call the novel antinihilist or polemical. Lisa Bakhareva, the young nihilist plays the central role in the development of the motive. Leskov describes the tragedy of Lisa in the social sphere.

Motif, the antinihilist novel, the polemical novel.

Введение.

Теоретики литературы давно пришли к выводу о том, что элементы конкретного сюжета могут повторяться как в рамках произведений одного автора, так и в границах определенной литературной традиции. Начиная с работ А. Н. Веселовского, элемент сюжета принято называть мотивом [3, с. 301]. А. Н. Веселовский называл два свойства мотива – повторяемость и неразложимость. Развивая концепцию Веселовского, Н. Д. Тамарченко отмечает, что «термин «мотив» в исследовательской практике соотносят с двумя различными аспектами словесно-художественного произведения: с одной стороны, с таким элементом сюжета (событием или положением), который повторяется в его составе и (или) известен из традиции, с другой стороны, с избранным в данном случае словесным обозначением такого рода событий и положений, которое входит в качестве элемента уже не в состав сюжета, а в состав текста» [13, с. 196–197]. Н. Д. Тамарченко относит мотив именно к элементам сюжета: событию, ситуации (временное статическое положение действующих лиц) и коллизии (временное изменение равновесия сил в сюжете), говоря о том, что «мотив как элемент сюжета определяется положением сюжета (фабулы) между текстом и темой» [15, с. 195].

В сюжете каждый мотив играет определенную роль. Мотив может быть основным, второстепенным, эпизодическим. Как отмечает Л. Н. Целкова, «многие традиционные мотивы могут быть развернуты в целые сюжеты, а традиционные сюжеты, напротив, «свернуты» в один мотив [20, с. 204].

Еще А. Н. Веселовский отмечал склонность великих поэтов с помощью «гениального поэтического инстинкта» использовать сюжеты и мотивы, уже подвергшиеся однажды поэтической обработке» [3, с. 186]. Одним из универсальных мотивов в мировой культуре, в частности, в литературе, является мотив бегства, «ухода». Это выход «за пределы конкретной социальной данности, который связан с отчуждением личности от норм и идеалов окружающей среды, ее конфликтом с обществом и одновременно страстным устремлением к идеалам внутренней, духовной свободы» [17, с. 140]. Исследуемый мотив бегства из семьи является традиционным, уходит корнями в Библию, находя отражение как в произведениях периода сентиментализма («Бедная Лиза» Н. М. Карамзина, 1792 г.), так и в произведениях раннего реализма («Станционный смотритель» А. С. Пушкина – 1892 г.; «Машенька» А. Майкова – 1846 г.). Этот мотив реализуется в таких произведениях 60-х гг. XIX века, как «Накануне» И. С. Тургенева (1860 г.), «Гро-

за» А. Н. Островского (1860 г.), «Униженные и оскорбленные» Ф. М. Достоевского (1861 г.), «Что делать?» Н. Г. Чернышевского (1862 – 1863 гг.), «Некуда» Н. С. Лескова (1864 г.), «Обрыв» И. А. Гончарова (1869 г.) и др.

Основная часть.

Роман «Некуда» был задуман Н. С. Лесковым за границей. Это произведение стало для писателя своего рода способом найти признание среди тех, кто ранее критиковал его творчество. На страницах романа раскрываются злободневные общественные темы. Сам Н. С. Лесков позже назовет роман историческим памфлетом. Но, несмотря на свою злободневность и актуальность, текст вызвал у читателей и критиков множество вопросов и нелестных откликов.

Роман «Некуда», написанный в 1864 г., и более поздний роман «На ножах» исследователи относят к антинигилистическим. В одном ряду с этими произведениями Н. С. Лескова называют «Взбаламученное море» А. Ф. Писемского, «Марево» В. П. Ключникова, «Современную идиллию» В. П. Авенариуса. Естественно, что антинигилистическая направленность романа «Некуда» вызвала резкую реакцию революционно-демократической, публицистической критики 1860-х гг. В этом плане характерна оценка «Некуда» Д. И. Писаревым: «Все это было бы смешно, когда бы не было так грязно», – пишет он. – Меня очень интересуют следующие два вопроса: 1) Найдется ли теперь в России – кроме «Русского вестника» – хоть один журнал, который осмелился бы напечатать на своих страницах что-нибудь выходящее из-под пера г. Стебницкого и подписанное его фамилией? 2) Найдется ли в России хоть один честный писатель, который будет настолько неосторожен и равнодушен к своей репутации, что согласится работать в журнале, украшающем себя повестями и романами г. Стебницкого?» [12, с. 275]. Публикация романа усилила разрыв Лескова с «передовым» русским обществом.

В советском литературоведении это произведение считалось реакционным и оставалось долгое время в тени. Сейчас литературоведы все чаще обращают внимание на роман «Некуда», о чем свидетельствуют работы К. В. Алексеева [1], О. В. Каданер [5], А. А. Новиковой-Строгановой [10], Д. Е. Фирсова [20] и др. В большинстве работ его жанровая природа определяется традиционно – как «антинигилистический роман».

А. И. Батюто пишет: «Уже в первых антинигилистических романах («Взбаламученное море» и «Некуда») особо выделена проблема семьи. Писемский и Лесков утверждают, что одна из причин возникновения нигилизма – дурное или слишком поверхностное семейное воспитание, неспособное оградить молодежь от слепого увлечения «модными идейками». Эти рекомендации пока еще не носят императивного характера, так как, защищая существующие семейные начала, оба писателя все же не склонны их идеализировать» [2, с. 280]. Роман «Некуда» В. Ю. Троицкий сравнивает с романом И. С. Тургенева «Отцы и дети» [16]. Явное отличие романа Лескова от ро-

мана Тургенева, по мнению специалиста, состоит в том, что здесь впервые в русской литературе предметом изображения стал нигилизм как явление общественной жизни середины XIX века.

Некоторые из современных литературоведов дают лесковскому роману определение «полемический». Полемическим роман «Некуда» и ряд других произведений автора называет вслед за Л. Гроссманом [4] Н. Н. Старыгина [13], отмечая, что такое обозначение более полно отражает содержание романа. Полемика в романах писателя заключена в том, поясняет автор работы, что нигилизм как явление не просто обозначается, но и объективно и активно изучается, анализируется.

Н. С. Лесков показывает на страницах романа состояние русского общества переломной эпохи середины XIX века: борьбу социальных идей, появление нового типа людей, в частности, типа «новой женщины», смену настроений интеллигенции и разночинцев. В целом эпоха 1860-х гг. раскрыта у Лескова через призму осмысления писателем вопроса о возможностях исторического развития России.

Будучи сторонником эволюционного движения, писатель в то же время пытается разобраться в том, что привлекает молодое поколение в революционных идеях. А. И. Фаресов, беллетрист-народник и публицист, автор книги «Против течений», говорит в переписке с Н. С. Лесковым о героях «Некуда», в частности, о Лизе Бахаревой, что это «симпатичный тип русских революционеров» [18].

Известный специалист по творчеству Лескова И. В. Столярова отмечает, что главная героиня романа «Некуда» сродни русским донкихотам – «она сражается с ветряными мельницами – нравами аристократического общества и архаичными устоями светской жизни» [14, с. 51].

Итак, критики – современники Н. С. Лескова – в основном говорили о несостоятельности романа, отодвигая на второй план его художественную природу. В XX веке большее внимание стали уделять именно этому аспекту произведения, хотя идеологическая проблематика, нравственный конфликт романа по-прежнему остается в поле зрения историков литературы. Естественно, что эта проблематика связана, прежде всего, с образом главной героини. При характеристике Лизы Бахаревой Л. Гроссман отмечает, что девушка слишком идеализирована писателем, который переносит всю вину за трагедию героини на ее окружение – около нее находятся «нечистоплотные люди» [4]. Н. Д. Тмарченко отмечает, что трагичной сделала свою жизнь сама Лиза: она была «лишним человеком» в сложившихся исторических условиях. Такие герои, как Лиза Бахарева, «обречены на замкнутую в интеллигентских кружках заговорщическую деятельность или на эксперименты типа бытовой коммуны. В результате их (таких, как Лиза, Райнер) порыв к борьбе захлебывается. Искренние и честные участники движения погружены в среду, способную только компрометировать любую идею и любое дело» [15, с. 76]. В то же время некоторые исследователи приходят к выводу, что автор достаточно критично относится к своей героине. Так, Б. Г. Мехтиев пишет: «Обращаясь к судьбе главной

героини Лизы Бахаревой, Лесков показывает, к чему может привести безоглядное подчинение теории эмансипации, возникшей из благородного стремления женщины к практически полезному действию в сфере жизни общественной, как это стремление перерождается в противостояние семейным началам и духовности» [9, с. 8].

Сам Лесков в предисловии к роману охарактеризовал свою героиню следующим образом: «Поистине я никогда не хотел ее унижать, а писал только правду дня, и если она вышла лучше, чем у других мастеров, то это потому, что я дал в ней место великой силе преданий и традиций христианской или, по крайней мере, доброй семьи» [7, с. 165].

Уже в начале романа Лесков приводит портрет Лизы, подчеркивая ее внешнюю привлекательность: Лиза «очень стройна, но невысока ростом. У ней прелестные, густые каштановые волосы, вьющиеся у лба, как часто бывает у молодых французенок. Овал ее лица несколько кругл, щеки дышат здоровым румянцем, сильно пробивающимся сквозь несколько смуглый цвет ее кожи. На висках видны тоненькие голубые жилки, бьющиеся молодою кровью» [7, с. 12]. Подвижность и энергия Лизы Бахаревой чувствуется во всем ее облике. Девушка готова к переменам, у нее есть свое сложившееся понимание общественных отношений, в частности, о взаимоотношениях в идеальной семье. Главное, по мнению Лизы, «не мешать вольному человеку развиваться» [7, с. 324]. Героиня отрицает сложившиеся веками общественные устои, причем демонстрирует это и на словах, и своими поступками. Так, в общении с теткой, монахиней Агнией, главная героиня романа говорит: «Вы отстали от современного образа мыслей» [7, с. 19]. Лиза считает, что та излишне консервативна в своих представлениях о семье; **сама же она** отрицает в семье домостроевские начала.

Важнейшей человеческой ценностью, по мнению писателя, должна быть та семья, в которой царят взаимопонимание, взаимоуважение, любовное единение духовно близких людей. Исследователь творчества Н. С. Лескова А. А. Новикова-Строганова, комментируя позицию писателя, отмечает: «Благополучная семья – не данность, а результат непрестанной работы души» [11, с. 12]. Однако семья Лизы далека от этого идеала, и потому девушка в родном доме чувствует себя лишней. Мотив бегства из семьи в произведении отчетливо звучит уже на первых страницах романа. Вернувшись в родительский дом, Лиза понимает: здесь своего рода гонимая «обломовка», в которой мать целыми днями чешет кошку Матюзалевну, отец читает газеты и неспешно занимается хозяйством, а в целом «младенец», как потом охарактеризует его дочь. Старшая сестра устроена матерью, она приняла жениха, которого ей приготовила мать. Младшая всегда находится подле матери, принимает участие в сплетнях о соседях и прочих пустых разговорах.

В первый же вечер Лиза сбегает к своей институтской подруге Женни Гловацкой. Это своего рода репетиция настоящего побега. В гостях у Женни Лиза признается, что не может больше читать дамские романы и затем просит отца, чтобы тот выписал хотя

бы один из серьезных журналов, например, «Отечественные записки».

«Репетиция» побега вызывает бурю негодования в доме Бахаревых. Родители не принимают прямоты и интересов Лизы, стараются заставить ее жить и вести себя так, как живут все.

Второй раз девушка сбегает зимой из московской квартиры в деревенский дом в Мерево – после неприятного происшествия на балу. Мать заставляет Лизу посещать балы, которые больше похожи на «ярмарку невест». Долгий зимний переезд в деревню оборачивается для девушки болезнью, но потом, окруженная заботой Женни и знакомых – Юстиниана Помады и доктора Розанова – Лиза приходит в себя. Отец Лизы принимает решение дочери и высылает ей в деревню служанку и книги. Так она становится полноправной хозяйкой своих мыслей и поступков. Книжки поглощают все существование Лизы. Сидя над книгами ночами, Бахарева постепенно теряет зрение, но не перестает читать – страницы трудов европейских просветителей становятся ее единственными и постоянными собеседниками. «Она искала сочувствия и нашла это сочувствие в книгах», – отмечает автор [7, с. 102].

Лесков не раз комментирует поведение своей героини, отмечая, что Лизе очень хочется правды, ее душа рвется на волю, «томится предчувствиями, изнывает в темных шарадах своего и чужого разума» [7, с. 98]. В романе автор не раз открыто поясняет мотивы поведения Лизы: «Семья не поняла ее чистых порывов; люди их перетолковывали; друзья старались их усыпить; мать кошек чесала; отец младенчествовал. Все обрывалось, некуда было, деться» [7, с. 102]. Слово «некуда» неслучайно у Лескова выделено курсивом – в нем заключена основная мысль текста. В романе показаны люди чистой души, но лишние в своей эпохе. Идти им «некуда». Лиза тоже сбегает в «никуда».

После второй попытки побега она поняла, что «настоящие ее дни есть приготовительный этап ко вступлению в жизнь с настоящими представителями бескорыстного человечества, живущего единственно для водворения общей высокой правды» [7, с. 103]. Этот вывод окончательно подталкивает Лизу уйти на поиски чего-то более стоящего в жизни.

Лиза окончательно уходит из дома. Неслучайно глава, которая становится кульминационной в развитии мотива бегства из семьи, названа Лесковым «Последняя сцена из пятого акта семейной драмы». Укрепиться в решении бежать из дома Лизе помогло знакомство с Райнером, молодым, увлеченным революционными идеями человеком. Лиза влюбляется в Райнера, и в одном из разговоров с Женни на вопрос, нравится ли ей он, отвечает: «Да, он лучше всех, кого я до сих пор знала» [7, с. 325].

Финальной сценой в Мерево и кульминационным эпизодом, где актуализируется мотив бегства из семьи, становится сцена проклятия дочери отцом. Лиза, принявшая твердое решение уйти из дома, не останавливается ни перед стенаниями матери, ни перед причитаниями няни. Отец Лизы совершает страшный обряд: когда дочь находится уже у дверей: он ее проклинает с образом в руках:

– Дай сюда образ! – крикнул, сорвавшись с места, Егор Николаевич. – Дай я благословлю Лизавету Егоровну, – и, выдернув из рук старухи икону, он поднял ее над своей головой против Лизы и сказал:

– Именем всемогущего Бога да будешь ты от меня проклята, проклята, проклята; будь проклята в сей и в будущей жизни!

С этими словами старик уронил образ и упал на первый стул.

Лиза зажала уши и выбежала за двери» [7, с. 295].

Эта сцена становится губительной для отца Лизы. Через три дня его не станет, а Лиза, покинув родительский дом, примкнет к коммуны. Лесков дает патетичное название главе, где описывается быт «коммуны» – «Domus» (дом). Кроме общего небогатого имущества и статуэтки Гарибальди на окне дома, здесь ничего не напоминает о высоких целях общего проживания. Лень и анархия царят в белоярцевском доме. Лиза и Райнер видят, что у коммуны нет будущего, и постепенно отстраняются от нее. Девушка снова принимается за чтение, а Райнер находит себе цель – сражаться за свободный польский народ на баррикадах. Лиза видит казнь Райнера и вскоре умирает на руках у Женни со словами: «С ним у меня общего хоть ненависть и неумение мириться с обществом, а с вами ничего» [7, с. 397].

Выводы.

Постепенно отрываясь от семьи, а затем и от общества в целом, героиня романа не находит для себя (за исключением Райнера) духовно близких ей людей и единомышленников. Бунтарская натура Лизы, ее желание быть полезной, увлечение идеологией нигилизма не дает ей возможности принять традиционные ценности, а обрести новые она не может. В каком-то смысле героиня романа «Некуда» – типичный для Лескова образ «очарованного странника».

Литература

1. Алексеев, К. В. Зарождение жанра русского социально-политического романа и его развитие в середине XIX века / К. В. Алексеев // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. – Рязань, 2009.
2. Батюто, А. И. Антинигилистический роман 60–70-х годов / А. И. Батюто // История русской литературы: в 4 т. – Л., 1983.
3. Веселовский, А. Н. Поэтика сюжетов / А. Н. Веселовский // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. – М., 1989.
4. Гроссман, Л. П. Н. С. Лесков. Жизнь – творчество – поэтика / Л. П. Гроссман. – М., 1945.

5. Каданер, О. В. Некоторые особенности поэтики антинигилистической прозы Н.С. Лескова / О. В. Каданер // Наукові записки Харківського національного педагогічного університету Г. С. Сковороди. Сер.: Літературознавство. – 2013. – №4 (2).

6. Капитанова, Л. А. Н. С. Лесков в жизни и творчестве / Л. А. Капитанова. – М., 2003.

7. Лесков, Н. С. Избранные сочинения: в 3 т. / Н. С. Лесков. – М., 1923. – Т. 1.

8. Лесков, Н. С. Собр. соч.: в 11 т. / Н. С. Лесков. – М., 1957. – Т. 10: Воспоминания, статьи, очерки.

9. Мехтиев, Б. Г. Роман Н. С. Лескова «Некуда и проблемы духовности и нигилизма в русской прозе первой половины 60-х годов XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Б. Г. Мехтиев. – М., 1995.

10. Новикова-Строганова, А. А. На все копыта кованы: бесы в романе Н. С. Лескова «На ножах» и в родовом поместье И. С. Тургенева Спасское-Лутовиново (к 195-летию И. С. Тургенева) / А. А. Новикова-Строганова // Православная газета. – 2012.

11. Новикова-Строганова, А. А. Согласие в мыслях и стремлениях: Н. С. Лесков о браке и семье / А. А. Новикова-Строганова // Православная газета. – 2013. – Ст. №27 (732).

12. Писарев, Д. И. Литературная критика: в 3 т. / Д. И. Писарев. – Л., 1981. – Т. 2.

13. Старыгина, Н. Н. Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860-1870-х годов / Н. Н. Старыгина. – М., 2003.

14. Столярова, И. В. Русские донкихоты в творчестве Н.С. Лескова / И. В. Столярова // Уч. заметки ЛГУ. – 1971. – № 335: Сер.: Филологические науки.

15. Тмарченко, Н. Д. Сюжет и мотив: между «темой» и текстом. «Комплекс мотивов» и типы сюжетных схем / Н. Д. Тмарченко // Теоретическая поэтика: понятия и оп-ределения. – М., 2001.

16. Троицкий, В. Ю. Лесков и пути развития русской литературы / В. Ю. Троицкий // Revue des études slaves. – 1986. – №3.

17. Уразаева, Т. Т. О роли мотивов «путешествия», «странствия» в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» / Т. Т. Уразаева // Проблемы метода и жанра: Сб. ст. / отв. ред. Ф. З. Канунова. – Томск, 1985.

18. Фаресов, А. И. Против течений. Н. С. Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем / А. И. Фаресов. – СПб., 1904.

19. Фирсов, Д. Е. Н. С. Лесков: два «страшных» романа о русском человеке / Д. Е. Фирсов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2015. – №8. – Ч. 3.

20. Целкова, Л. Н. Мотив / Л. Н. Целкова // Введение в литературоведение / под ред. Л. В. Чернец. – М., 2006.